

Макарий (Булгаков) Митрополит

История Русской Церкви

**Том 2. История Русской Церкви в период
совершенной зависимости ее от
константинопольского патриарха
(988-1240)**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 291
ББК 86.3

Макарий (Булгаков) Митрополит

История Русской Церкви: Том 2. История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от константинопольского патриарха (988-1240) / Макарий (Булгаков) Митрополит – М.: Книга по Требованию, 2011. – 321 с.

ISBN 978-5-458-03406-7

Во вторую книгу многотомного издания «История Русской Церкви» высокопреосвященного Макария, митрополита Московского и Коломенского, вошли тома его «Истории Русской Церкви», посвященные домонгольскому периоду русской церковной истории.

ISBN 978-5-458-03406-7

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Макарий, Митрополит
Московский и Коломенский
История Русской Церкви
Том 2. История Русской Церкви
в период совершенной
зависимости ее от
Константинопольского
патриарха (988–1240)

Предисловие

Русская Церковь есть только часть Церкви Восточной, православно-кафолической. С этой последней она всегда имела со времени происхождения своего самое полное внутреннее единение, содержа одну и ту же православную веру, одни и те же существенные священномодействия, одни и те же основные каноны и постановления. Но, рассматриваемая во внешнем своем отношении к Церкви восточно-кафолической. Русская Церковь в продолжение веков представляется в трех различных видах: сначала – как Церковь, находящаяся в совершенной зависимости от Церкви Константинопольской, одной из самостоятельных отраслей Церкви Вселенской, потом – как Церковь, постепенно приобретающая с согласия Константинопольского патриарха самостоятельность, наконец – как самостоятельная отрасль Церкви Вселенской в ряду других православных патриархатов. Соответственно этому в истории отечественной Церкви мы различаем три периода: первый – период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240), второй – период постепенного перехода ее от этой зависимости к самостоятельности (1240–1589), третий – период ее самостоятельности (1589–1867). Русская Церковь, как всякая другая, по существу своему есть общество верующих в Господа Иисуса Христа, состоящее из богоучрежденной иерархии и паствы, но только существующее в России. Это общество всегда пользовалось богодарованными средствами для достижения своей цели: учением, богослужением и управлением, а вместе разными правами и преимуществами, какие получало от гражданской отечественной власти. Это общество всегда имело свою цель – воспитание людей в вере и благочестии и приготовление их к вечной жизни. Наконец, это общество, как Церковь частная и православная, могло иметь и имело отношения к другим Церквам и религиозным обществам, православным и не православным. А потому Русская Церковь во все продолжение ее существования может быть рассматриваема с четырех сторон: со стороны лиц, ее составлявших, т. е. ее иерархии и паствы; со стороны средств, какими она пользовалась, т. е. ее учения, богослужения и управления, равно как ее прав и преимуществ; со стороны ее цели, т. е. веры и нравственности ее чад; наконец, со стороны ее отношений к другим Церквам и обществам религиозным. С этих сторон будем рассматривать отечественную Церковь и мы в каждый из периодов ее исторической жизни.

Общий взгляд на этот период и его отде- лы

В первый период своей жизни Русская Церковь была как бы одною из греческих митрополий, подчиненных Константинопольскому патриарху, и находилась точно в такой же зависимости от него, как и все эти митрополии. Патриарх сам с состоящим при нем Собором без всякого участия со стороны русских князей и иерархов и избирал, и поставлял для России митрополитов, управляя чрез них Русскою Церковию, и притом избирал и поставлял исключительно из греков и, может быть, из южных славян, так что в числе 22 наших тогдаших первовосвятителей мы не знаем ни одного, несомненно русского, который бы был поставлен самим патриархом. Во весь этот период, продолжавшийся около двух с половиною веков, было в Русской Церкви только два случая самостоятельного избрания митрополитов: первый – во дни великого князя Ярослава, когда по воле его Собором русских епископов избран и поставлен был для России митрополит Иларион, родом русский; второй случай, еще более замечательный, – во дни великого князя Изяслава, когда точно таким же образом избран и поставлен был для России митрополитом другой россиянин по имени Климент Смолятич. Эти-то два случая, бывшие как бы провозвестниками будущей самостоятельности Русской Церкви, и можно положить гранями для разделения настоящего периода на частные отделы, которых, следовательно, будет три: отдел первый – от первого нашего митрополита свято~~го~~ Михаила до избрания митрополита Илариона (988–1051); отдел второй – от митрополита Илариона до избрания митрополита Клиmentа Смолятича (1051–1147); отдел третий – от митрополита Клиmentа Смолятича до начала второго периода, или до митрополита Кирилла II (1147–1240).

Отдел первый

Состояние Русской Церкви от ее первого митрополита святого Михаила до избрания митрополита Илариона (988–1051)

Вступление

Великим благодеянием Божиим для России было уже самое обращение к христианству великого князя Владимира. Он принял святую веру не прежде, как предварительно испытав разные веры и глубоко убедившись в превосходстве ее перед всеми другими; принял не иначе, как после неоднократного совещания с представителями своего народа и по их единодушному согласию; принял именно с Востока – от Церкви Греческой, которая одна только сохраняла тогда во всей чистоте православие и древнее благочестие, одна только могла сообщить нам слово Божие на нашем родном языке, одна могла передать нам и остатки древнего христианского просвещения, находившегося в ней, по крайней мере, на высшей степени, нежели во всех других странах Европы. Каких плодов нельзя было ожидать от столь счастливого обращения!

Тем более мы должны благодарить Господа за то, что Он, предызвав и приготовив великого князя нашего Владимира быть просветителем России, продолжил жизнь его на много лет (†1015) и дал ему возможность оправдать свое высокое призвание, что преемником ему предназначил быть мудрому и ревностно-благочестивому сыну его Ярославу, которого также благословил долговременною жизнию (†1054), и что эти два царствования, обнимающие собою более полутора столетия, послужили самым благоприятным временем для прочного наследия у нас веры Христовой. В то и другое царствование по особенному устроению Промысла Россия вся почти непрерывно находилась под властию одного государя, хотя еще с самого начала в нее введена была так называемая система уделов. Оба эти монарха пользовались величайшим уважением в глазах своих подданных и имели на них сильное нравственное влияние. Внутреннее состояние России и внешние отношения ее к другим государствам были тогда гораздо лучше, нежели во весь последующий период ее древней истории. Римские первовосвященники, хотя пытались уже насадить в России свое исповедание, но не достигали ни малейшего успеха, встречая пламенное противодействие со стороны греческих проповедников, призванных по желанию самого князя и народа, и со стороны русских, показывавших явное сочувствие к проповеди православия.

Посреди таких-то обстоятельств положено, в собственном смысле, основание Русской Церкви, основание твердое и глубокое, остающееся непоколебимым доныне.

Глава I. Первоначальные пределы Русской Церкви и ее первая иерархия

Нет сомнения, что еще во дни равноапостольного князя Владимира святая вера Христова соделалась господствующею на всем пространстве тогдашней России и юная Церковь Русская считала уже чад своих во всех пределах юного Русского царства. «Он заповедал, – пишет пресвитер, впоследствии митрополит

Иларион, – по всей земле своей креститься во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, чтобы открыто и громогласно славилось во всех городах имя святой Троицы и все были христианами: малые и великие, рабы и свободные, юные и старые, бояре и простые, богатые и убогие. И ни один человек не противился его благочестивому повелению; крестились, если кто и не по любви, то из страха к повелевшему, так как благоверие в нем соединено было со властию. И в одно время вся земля наша стала славить Христа со Отцом и Святым Духом... Он обратил от заблуждения идолопоклонства не одного человека, не десять городов, но всю область свою». Точно так же и другой из ближайших к тому времени свидетелей неоднократно повторяет, что святой князь «крестил всю землю Русскую от конца и до конца... всю землю Русскую истог из уст дьявола и привел к Богу... всю землю Русскую и все грады ее украсил святыми церквами... и всюду раскопал идольские храмы и требища, всюду сокрушил идолов». Чтобы понять возможность всего этого, заметим, что просветитель России действовал на своем поприще не два или три года, а около 28 лет, и действовал со всею апостольскою ревностию, что Россия была тогда далеко не так обширна, как теперь, и не имела ни столько городов, ни тем более столько жителей, сколько имеет ныне.

Другие писатели, повторяя ту же мысль об обращении всей земли Русской еще при святом Владимире, сообщают и некоторые подробности: называют сподручников нашего равноапостола, содействовавших ему в великом деле, обозначают меры действования и дают возможность определить самые места, по крайней мере главные, где насаждена была тогда у нас вера Христова.

Окончательное просвещение России святою верою началось с матери градов русских – *Киева* и здесь – с семейства самого великого князя. Двенадцать малолетних сынов его были крещены в одном источнике, который доселе известен в Киеве под именем *Крещатика*. Вместе с ними крестились и многие бояре, которые давно уже были расположены к православной вере греческой, как показали они в своих ответах Владимиру при его избрании вер. Между тем великий князь дал приказание истреблять памятники язычества, дотоле господствовавшего в Киеве. Те самые истуканы, которые еще так недавно воздвиг он для всеобщего благоговейного чествования, подверглись теперь по воле его всеобщему бесчестию. Все они были ниспровергнуты со своих мест, и одни изрублены, другие преданы огню, а главнейший между ними – Перун, более всех пользовавшийся уважением язычников, будучи привязан к конскому хвосту, с крайним поруганием влеком был со священной высоты своей к Днепру. Здесь ввергли мнимого громовержца в шумящие волны и двенадцать нарочито приставленных воинов длинными шестами постоянно отталкивали его от берегов, пока не проплыл он днепровских порогов. Некоторые из язычников киевских, провожая его глазами, плакали о судьбе своего поруганного бога, но это самое унижение и совершенное бесчестие, в каком явился он пред их взорами в первый раз, разумеется, крайне поколебали их веру в него и предрасположили их к принятию христианства. За ниспровержением идолов последовало оглашение народа евангельскою проповедию. Пастыри Церкви обходили стогны Киева, на которые собираем был народ, посещали жилища киевлян и наставляли их в главнейших истинах Евангелия, показывали язычникам сущность идолопоклонства и убеждали их к принятию спасительной веры. Не все, однако ж, оглашаемые равно изъявили согласие переменить веру: некоторые упорствовали или колебались и отлагали

день за днем. Это-то, может быть, и расположило великого князя Владимира назначить наконец определенный день и объявить по всему городу: «Аще кто не обрящется заутра на реце, богат ли или убог, или нищ, или работен, противен мне да будет». Слова глубоко уважаемого монарха произвели полное действие. Киевляне с радостью текли к назначенному месту крещения, рассуждая между собою, что если бы не хорош был новый закон, то князь и бояре не приняли бы его, и не осталось во всем городе ни одного человека, который бы воспротивился воле князя. Наутро равноапостольный венценосец, сопутствующий Собором пастырей, явился на берегу реки Почайны, где собралось уже бесчисленное множество народа. Тогда открылось торжественнейшее зрелище, какое редко повторяется на земле: все эти массы народа – мужи и жены, старцы, юноши и дети – по данному знаку благовестно вступили в реку: одни по шею, другие по перси, трети по колена, многие родители с младенцами в руках, а служители Бога вышнего, стоя на берегу, совершали над ними величайшее таинство. В сии священнейшие минуты, повторим слова благочестивого летописца, поистине радовались земля и небо толикуму множеству спасаемых! Радовались крестившиеся, радовались крестившие, радовались все свидетели величественного зрелища, но более всех других возрадовался духом главнейший виновник этого торжества, который по окончании священнодействия, возведши очи свои горе, от глубины души возвзвал к Богу-благодетелю своему: «Боже великий, сотвори-
вый небо и землю! Призри на новыя люди сия и дажь им. Господи, уведети Тобе, истинного Бога, якоже уведеша страны хрестьянския, и утверди в них веру праву и несовратну, и мне помози. Господи, на супротивнаго врага, да надеяся на Тя и на Твою державу, побежю козни его». Вслед за тем повелел Владимир ставить в Киеве церкви там, где прежде стояли кумиры. Кто был крестителем киевлян? Преподобный Нестор упоминает при этом только о *попах* корсунских и царицыных, т.е. пришедших с царевною Анною из Царьграда, но современный Владимиру писатель свидетельствует, что тогда пришел в Россию именно *епископ* греческий и обратил к христианству самую средину страны. Польские историки прибавляют, что это был епископ Корсунский, тот самый, который крестил прежде и Владимира: дело очень возможное, хотя и неизвестно, откуда заимствовано сказание о нем. Арабский писатель ал-Макин (1223–1302) говорит вообще, что император греческий Василий прислал ко Владимиру *епископов*, которые наставили в христианской вере и его самого, и весь его народ, а следовательно и киевлян; известие тем более вероятное, что о епископах при Владимире упоминают и преподобный Нестор, и Иларион. Наконец, наши домашние свидетельства, начиная с XIII в., прямо называют главным действователем при Крещении всей России митрополита Михаила.

В Новгород для проповеди евангельской приходил сам митрополит Михаил с шестью епископами в сопровождении Добрыни, дяди Владимира, и Анастаса Корсунянина. Это случилось в 990 г.; значит, весь 989 г. пастыри сии занимались благовестием в других странах России, и, всего вероятнее, ближайших к Киеву. В Новгороде повторилось то же самое, что видели мы в Киеве. Сначала ниспровергнуты идолы, и главнейший из них – Перун – с крайним поруганием влечим был по земле и ввергнут в Волхов. После чего приступили к оглашению людей Евангелием, и притом не в одном только Новгороде, но и во всех его окрестностях. Естественно думать, что для скорейшего успеха митрополит и

епископы не вместе обтекали разные поселения, а порознь, имея при себе каждый по нескольку священников. Следствием их благовестия было то, что *многие* (только многие, а не все) крестились и что «до градовом и по селом новгородского предела» воздвигнуты были церкви, поставлены пастыри. Окончивши святое дело, первосвятитель созвал к себе всех этих пастырей, преподал им святительское наставление – внимать себе и всему стаду, в котором поставил их Дух Святой, и свято хранить православную веру и христианскую любовь; в заключение благословил каждого из них и со спутниками своими возвратился в Киев. Окончательно же утвердить в Новгороде святую веру суждено было Промыслом первому Новгородскому епископу Иоакиму, который, прибыв на свою паству, ниспроверг остальных идолов и целые тридцать восемь лет подвизался в деле своего пастырского служения.

После Новгорода святитель Михаил посетил (в 991 г.) со своею проповедию *область Ростовскую*, сопровождаемый четырьмя епископами, Добрынею и Анастасом. Ревностные благовестники крестили здесь бесчисленное множество людей, воздвигли многие церкви, рукоположили пресвитеров и диаконов, устроили клир, но не искоренили язычества. В самом Ростове, куда в следующем году поставлен был особый епископ Феодор, многие еще не принимали крещения и были столько упорны и неприязненны к архипастырю, что он, изнемогши в борьбе с их злобою, нашелся вынужденным покинуть Ростов и скончался, вероятно, в Суздале, где доселе почивают его святые мощи. Преемник Феодора Иларион, прибывший из Константинополя, также после напрасных усилий покорить упорных вере оставил кафедру и возвратился в отечество. С некоторою вероятностию можно допустить, что в это же время явился в Ростове с проповедию святой Авраамий Ростовский. В житии его, которое встречается в разных списках, ясно говорится, что он действовал в Ростове во дни ростовского князя Бориса, когда в Ростове были еще какие-то низшие *князи*, как бывало и в других городах при начале Русского государства; действовал при первом Ростовском епископе Феодоре и преемнике его Иларионе и имел сношение с самим равноапостольным князем Владимиром; говорится также, что, когда Авраамий поселился близ Ростова, там еще целый конец Чудский поклонялся каменному идолу Белеса, и что преподобный с помощью явившегося ему Иоанна Богослова сокрушил этого идола, и хотя много потерпел от неверных, но своими молитвами, наставлениями, терпением и благородствием мало-помалу привлек всех их ко Христу от мала до велика. Правда, в настоящем житии Авраамия встречаются значительные несообразности, которые и расположили некоторых относить время подвигов его то к 1-й, то даже ко 2-й половине XII в.: представляется, например, будто во дни Авраамия Ростов был уже Владимирскую областью, будто Авраамий, оклеветанный пред великим князем Владимиром, имел с ним сношение во Владимире на Клязьме; будто, когда Авраамий оправдался, святой князь устроил монастырь его *своим* монастырем, сделав его высшим всех обитателей ростовских, даровал ему многие имения, и будто Авраамий за труды свои удостоился получить имя архимандрита, которое становится известным в нашей Церкви не прежде XII в. Но нетрудно понять, как могли вкрасться в житие Авраамия все такие несообразности. Оно составлено, судя по содержанию его, отнюдь не прежде, как после прославления преподобного, т. е. после открытия мощей его, которое последовало уже во дни великого князя владимирского

Всеволода Юрьевича, внука Мономахова (1176–1212). Удивительно ли, если через два столетия или даже и более составитель жития, не довольно образованный, имея под руками, может быть, самые краткие письменные известия о святом Авраамии и руководствуясь преимущественно устными о нем преданиями, смешал различие времен и вообразил по простоте своей, что город Владимир Клязьемский, который в XII в. был уже действительно столицею великих князей и заключал в своей области Ростов, имел такое же значение и во дни святого Владимира и что Авраамиев монастырь, считавшийся уже в XIII в. высшим всех ростовских обителей и архимандрию, сделался таким монастырем еще при самом Авраамии? Примеры подобного смешения времен у нас очень известны: летописцы, жившие при архиепископах Новгородских, называли архиепископами и самых первых епископов Новгородских. Что касается, в частности, до наименования Авраамия архимандритом, нет ничего невозможного, чтобы он возведен был в этот сан епископом Иларионом. Пусть будет правда, что в нашей отечественной Церкви до XII в. имя архимандрита не употреблялось, хотя преподобный Нестор в житии преподобного Феодосия Печерского, по некоторым спискам, и называет его этим именем; оно, несомненно, употреблялось в Церкви Греческой, а Иларион был грек. Прибавим общее замечание: если в известном ныне житии преподобного Авраамия Ростовского встречаются двоякого рода показания, из которых по одним, совершенно ясным, он действовал в царствование святого Владимира и сына его Бориса, при первых Ростовских епископах Феодоре и Иларионе, а по другим, только по умозаключению, должен быть относим уже к XII столетию, то почему же отдадим предпочтение не первым показаниям, но последним, когда эти последние легко могли вкрасться в житие по простоте и малообразованности сочинителя? Впрочем, считая только более вероятным, а отнюдь не несомненным, что Авраамий жил при самом начале у нас христианства, мы должны допустить, что или он обратил к святой вере не всех жителей Ростова, или многие из них вскоре снова впали в язычество, потому что, как увидим, во второй половине XI в. третьему Ростовскому епископу Леонтию пришлось еще много бороться здесь с закоренелыми язычниками.

Одновременно с Ростовскою областью услышала проповедь Евангелия и страна Сузdalская, входившая тогда в состав области Ростовской. Обитателям этой страны принес слово спасения сам равноапостольный князь Владимир, сопутствующий двумя епископами, и имел радость видеть, что все они, подобно киевлянам, охотно принимали из уст его благовестие и крестились. Восхищенный успехом, святой князь, прибавляют поздние летописцы, в память своего пребывания здесь заложил на берегу Клязьмы город, назвал его по имени своему Владимиром и построил в нем деревянную церковь Успения Пресвятой Богородицы. Это случилось в 990 или 992 г. В подтверждение того, что святой Владимир точно посетил землю Сузdalскую по делам веры, указывают некоторые памятники пребывания его здесь, сохранившиеся до позднейшего времени. А сказание о заложении им города Владимира на Клязьме, следовательно и о построении им Успенской церкви во Владимире, признается ныне несправедливым, хотя, быть может, без достаточных оснований.

Можно думать, что святая вера насаждена еще при святом Владимире во всех тех городах и областях, которые он раздал детям своим в уделы, и следовательно, кроме Новгорода и Ростова, в *Полоцке, Турове, земле древлянской, Владимире*

Волынском, Смоленске, Пскове, Луцке, Тмутаракани и в пределах муромских. Это разделение России на уделы, от чего бы оно ни зависело, по замечанию некоторых летописей, было вместе мерою христианского благоразумия: равноапостольный князь, отправляя детей своих под руководством мудрых пестунов в разные области государства, завещавал каждому из них заботиться об искоренении там язычества и утверждении христианства. И князья-христиане необходимо должны были иметь при себе христианских пастырей и соорудить для себя храмы, каждый в своей резиденции. А достигнув лет зрелых, могли удобнее наблюдать за ходом евангельской проповеди в своих небольших уделах, сильнее действовать на язычников собственным примером и кроме ревности по вере стараться о просвещении ею своих подданных уже и потому, чтобы теснее с ними сблизиться. Исторические предания действительно подтверждают, что святой Борис содействовал утверждению христианства в Ростове, Мстислав – в Тмутаракани, Судислав – в Пскове, Изяслав – в Полоцке и что святой Глеб, как только прибыл в назначенный ему удел, несколько раз пытался просветить муромцев святою верою, хотя без успеха, а потому и поселился вне Мурома, где прожил два года.

Сохранилось несомненное свидетельство о насаждении тогда святой веры в Курске и его окрестностях. Древнейший наш летописец повествует в житии преподобного Феодосия Печерского, что по переселении родителей его из Василева в Курск (в 1-й половине XI в.) Феодосии, еще будучи отроком, «ходаше в церковь Божию по вся дни» и вскоре «нача пещи просфоры и продаяти», чем и занимался более двух лет. Потом, когда мать благочестивого отрока хотела отклонить его от любимого занятия, он тайно «иде во ин град недалече сущи, и обита у прозвутера, и делаши по обычаю дело свое». Отысканный материю и возвращенный в Курск, снова начал во все дни ходить в церковь Божию и своим смирением и покорностию заслужил любовь *властелина града*, так что этот *властелин* «повеле ему, яко да пребывает у его церкви». Значит, христианство уже существовало тогда и в Курске, и в его пределах, а в самом Курске была даже не одна церковь: правитель города имел для себя *свою* особую.

Апостольская ревность просветителя России простиралась и на новые *города*, которые основал он по рекам Десне, Остеру, Трубежу, Суле и Стугне. Населяя эти города новгородскими славянами, кривичами, чудью, вотяками, святой князь старался утвердить между ними христианство.

О других каких-либо городах и областях русских, где распространялась тогда святая вера, подробных сведений не сохранилось. Но можем ли сомневаться, чтобы в продолжение многолетней деятельности нашего равноапостола осталось хотя одно место в России, куда бы не проникала евангельская проповедь, когда известно, что он послал проповедника даже к болгарам волжским и обратил ко Христу некоторых из них, а также четырех князей их, принявших крещение в Киеве, что он старался насаждать христианство даже в глубине севера, в Биармии, на берегах Двины? Можем ли сомневаться, когда те же летописи уверяют нас, что святой Владимир повелел приводить на крещение людей по *всем градам и селам* и что первосвятитель Михаил, предпринимавший путешествие с другими святыми сперва в Новгород, потом Ростов, в то же время обтекал с проповедью и *всю землю Русскую*? Только об одних муромцах известно с некоторою вероятностью, что они вовсе не приняли тогда христианства, но это было их дело, а святой Борис неоднократно пытался просветить упорных. Указывают еще